

Любовь Алексеевна Кирилина

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

Языковая ситуация в словенских землях в конце XVIII — начале XX в. в социокультурном контексте эпохи

В конце XVIII — начале XX вв. словенцы находились не только в своем, но и в немецком, итальянском, венгерском культурных пространствах. Господствующее положение в государстве и обществе занимал немецкий язык, словенский считался языком простого народа. В статье рассматриваются особенности языковой ситуации в Крайне, Нижней Штирии и Южной Каринтии — регионах, находившихся в сфере немецкого политического и культурного влияния, в которых проживало большинство словенцев. Целью работы является анализ ее эволюции в социокультурном ракурсе эпохи. Интенсивное развитие словенского литературного языка началось со второй половины XVIII в., в период национального возрождения. В то время язык играл роль средства общения, а также социального маркера, и только с середины XIX в. он приобрел функции отличительного этнического признака и стал основой для политических проектов строительства нации. К началу XX в. словенский литературный язык уже полностью сформировался и имел собственную научную и профессиональную терминологию. На эволюцию языковой ситуации в словенских землях решающим образом влияли два фактора: языковая политика австрийского государства, направленная на систематизацию и классификацию не-немецких языков, а также деятельность словенских патриотов, имевшая целью развитие национального самосознания и культуры своего народа и упрочение его позиций в рамках империи.

Ключевые слова: словенские земли, полигlossия, языковая классификация, государственная политика, монархия Габсбургов

В конце XVIII — начале XX вв. большая часть словенской этнической территории входила в состав коронных австрийских земель. Словенцы занимали компактные области на юге Штирии и Каринтии и составляли треть населения этих провинций, в Приморье они представляли большинство везде, кроме Истрии, а Крайна была

почти полностью словенской (доля немцев не превышала 8%). Кроме того, словенцы проживали в Прекмурье (в венгерских комитатах Ваш и Зала), а также в Венецианской Словении. У словенцев, еще в VIII в. потерявших независимость, не было традиций государственности, собственного класса феодалов, они остались «неисторическим» народом с неполной социальной структурой. Доминирующее положение в обществе занимали немцы и итальянцы. Словенский язык считался языком простого народа, на нем говорило большинство крестьян — основная масса словенского населения (в городах тогда проживало всего 4% словенцев¹). В городах и крупных населенных пунктах преобладало словенско-немецкое двуязычие. В Приморье горожане-словенцы в той или иной степени владели и итальянским языком, а среди привилегированных сословий был распространен и немецкий.

В статье я ограничусь рассмотрением языковой ситуации в Крайне, Нижней Штирии и Южной Каринтии — областях, относившихся к немецкому культурному пространству, где проживало большинство словенского населения. Не затрагивая собственно лингвистические аспекты тематики, к настоящему времени уже достаточно хорошо изученные, я сосредоточусь на ее анализе в социокультурном аспекте эпохи, началом которой стало словенское национальное возрождение, а концом — распад Австро-Венгерской монархии. При этом необходимо учитывать, что на эволюцию языковой ситуации в словенских землях оказали влияние два взаимосвязанных фактора: деятельность словенских патриотов и политика австрийского правительства.

Литературно-письменный язык словенцев был создан протестантом П. Трубаром (1508–1586) и его последователями еще в XVI в. на основе люблянского говора. Тогда были изданы первые книги на словенском языке, составлена первая грамматика (бохориича). Письменный язык был ограничен в то время почти исключительно произведениями религиозной литературы. В период Контрреформации иезуиты ввели в словенских землях систему среднего и высшего образования, в крупнейших городах были открыты иезуитские коллегии, преподавание в которых проводилось на латинском языке.

---

¹ Grafenauer 1962: 154.

Во второй половине XVIII в. развитие словенского языка и культуры, по верному замечанию словенского историка П. Водопивеца, «в первую очередь стимулировали правительственные реформы и в меньшей степени идеи немецкого просвещения»². Действительно, реформы Марии Терезии (1740–1780 гг.) и ее сына Иосифа II (1780–1790 гг.), проводивших политику государственной централизации, дали мощный толчок развитию словенского национального возрождения. Особую роль в этом процессе сыграли школьные реформы. В 1770 г. образование было провозглашено государственным делом, а в 1774 г. начальное школьное обучение стало обязательным³. «Общий школьный устав» 1774 г. и «Методическая книга» 1775 г. предусматривали проведение занятий в начальных школах на родных языках учащихся, что, естественно, повлекло за собой организацию перевода на них школьных учебников.

Насущной проблемой для монархии Габсбургов стало закрепление главенствующей роли немецкого языка. Языком образования и науки была латынь, в высшем обществе охотнее говорили по-итальянски и по-французски, на этих же языках давались театральные представления. На немецком языке в Австрийской монархии до середины XVIII в. издавались в основном книги для простого народа. Кафедру немецкого языка в Венском университете открыли лишь в 1749 г.⁴ После роспуска в 1773 г. Ордена иезуитов роль латинского языка в обучении стала снижаться. Напротив, позиции немецкого языка укрепились. С 1776 г. его знание стало необходимым условием для поступления в гимназию, в 1782 г. он получил статус языка обучения в средних и высших учебных заведениях, а еще через два года был провозглашен официальным языком во владениях Австрийского дома вместо латыни.

Власти начали осознавать важность местных языков для осуществления своей образовательной программы и коммуникативных целей. Чтобы донести декреты и законы до низших слоев населения, их стали переводить на не-немецкие языки. Первым декретом, переведенным на словенский язык, стал Патент о военной службе 1758 г. В связи с потребностью государства в образованных чиновниках открывались новые гимназии.

² Vodopivec 1997: 65.

³ Хаванова 2006: 285–294.

⁴ Чуркина 2017: 23.

Австрийское правительство поддерживало стандартизацию немецких литературных языков. Естественно, при этом оно исходило из практической потребности систематизировать и упростить работу бюрократического аппарата, однако такая политика решающим образом стимулировала развитие языков и национального самосознания немецких народов империи. Т. Шеер и Р. Стергар справедливо отметили, что посредством классификации по языкам государство делило жителей на более узкие национальные категории, помещало их в так называемые этнические ящики⁵.

Процесс национального возрождения в конце XVIII — начале XIX в. развивался «вглубь, а не вширь»⁶. Словенских патриотов было еще очень мало, но они инициировали серьезный сдвиг в развитии языка и культуры. Началом словенского национального возрождения по традиции считается выход «Крайнской грамматики» М. Похлина (1735–1801) в 1768 г.⁷ В ней автор выступил за то, чтобы молодежь не стыдилась своего родного крайнского языка и учила его в латинских школах с тем же воодушевлением, что и немецкий. С выходом книги в свет и стала распространяться идея значимости словенского языка, началось его планомерное развитие. По замечанию Т. Домея, для зарождающегося национального движения «язык являлся само собой разумеющейся основой», и главной задачей словенских патриотов было развить и утвердить его как главный язык, использующийся в словенских землях во всех сферах⁸. Необходимо было развить систему школьного образования, подготовить религиозную и учебную литературу для простых людей, развить словенский литературный язык.

Центром деятельности словенских просветителей стала Любляна (Лайбах). Многие из них объединились сначала в Академии деятельных (*Akademia operozorum*, 1778–1883), а после ее закрытия в кружке барона Сигизмунда (Жиги) Цойса (1747–1819), богатейшего человека в Крайне. В конце XVIII — начале XIX в. они добились больших успехов. Историк и драматург А. Линхарт (1756–1795) в «Опыте

⁵ Stergar, Scheer 2018: 576.

⁶ Kidrič 1929: 350.

⁷ P. Marcus (*Marko Pohlin*). *Kraynska grammatika: Das ist die crainerische Grammatik, oder Kunst die crainerische Sprach regelsrichtig zu reden, und zu schreiben*. Laybach: Johann Friedrich Eger, 1768.

⁸ Domej 1995: 91.

истории Краины и других южных славян Австрии»⁹, написанной на немецком языке, впервые выделил словенцев как особый народ. Лингвист Е. Копитар (1780–1844) в 1809 г. опубликовал, тоже на немецком, первую научную грамматику словенского языка, в которой доказал существование единого словенского языка. Она стала программным сочинением словенского возрождения. Педагог и поэт В. Водник (1758–1819) был редактором и единственным автором первой словенской газеты «*Lublanske novize*» («Люблянские новости», 1797–1800). Б. Кумердей (1738–1805) поставил вопрос о необходимости создания национальной начальной школы. Просветителями было издано несколько словенских грамматик, сборников стихов, календарей. Линхарт и Водник переводили на родной язык правительственные постановления. В 1799 г. в Любляне появились первые объявления на словенском языке, а в 1802 г. первая уличная надпись¹⁰. Как отметила российский лингвист О. С. Плотникова, в начальный период национального возрождения произошло лексическое обогащение литературно-письменного языка, усложнение его синтаксической структуры, были разработаны нормы литературного языка и его грамматика¹¹.

Вопрос языкового выбора перед просветителями еще не стоял, они находились как в немецком, так и словенском культурном пространстве и, как правило, знали несколько языков. Так, например, С. Цойс был итальянцем по отцу и словенцем по матери, знал оба этих языка и, конечно, немецкий, на котором и предпочитал общаться и вести переписку. Воодушевленные развитием родного языка, словенские деятели так же трепетно могли относиться и к другим языкам. В свою очередь, многие крайнские немецкие дворяне гордились, что их отечество является и родиной крайнского (словенского) языка. Например, граф Иоганн Эдлинг, будучи референтом провинциальной школьной комиссии, организовал начальную школу в Краине, он сделал для словенских школ не меньше, чем словенские патриоты¹². А люблянский епископ Иоганн Карл Герберштейн

⁹ *Linhart A.T. Versuch einer Geschichte von Krain und den übrigen Ländern der südlichen Slaven Oesterreichs* (1788–1791). Laibach: Eger, 1788.

¹⁰ Плотникова 1978: 341.

¹¹ Там же.

¹² Melik 1997: 42.

(1719–1787) выступал за использование словенского языка в проповедях и в начальном образовании народа¹³.

Во времена французской оккупации в годы Наполеоновских войн, когда были созданы Иллирийские провинции с центром в Любляне (1809–1813), французские власти, стремясь привлечь на свою сторону местное население, приняли постановление о том, что обучение в начальных и средних школах следует вести на родном языке учащихся¹⁴. В. Водник составил в 1811 г. первую грамматику на словенском языке и другие учебники. В том же году словенский язык стал учебным предметом в лицее в Граце. Крупным достижением периода Иллирийских провинций было открытие в 1810 г. Центральных школ — полноценного университета с четырех-пятилетним сроком обучения, проводившегося на латыни, немецком и французском языках. Никому так и не удалось его закончить — в 1814 г., после восстановления власти Габсбургов, он был упразднен.

После поражения Наполеона австрийские власти отменили французские реформы, но постепенно многие начальные школы все же перешли к обучению на словенском языке. Он стал учебным предметом в лицеях не только Граца, но и Любляны (1817), а позже и Горицы (1847).

В первой половине XIX в. язык выполнял функции средства общения и социального маркера, он еще не превратился в политический символ или «инструмент культивирования нации»¹⁵. Так, один из лидеров либералов второй половины XIX в. Й. Вошняк отметил в воспоминаниях, что словенские горожане «в большинстве своем уже с детства владели немецким», хотя знали и родной язык.

Не ощущали мы себя, однако, ни немцами, ни словенцами, так как о национальности до 1848 г. никто и не говорил, и язык для нас был лишь средством общения¹⁶.

Государственным языком был немецкий, он являлся официальным в суде, учреждениях и гимназиях. Для крестьянства и низших городских слоев допускалось употребление словенского языка в официальных учреждениях, важнейшие государственные постановления

¹³ Stergar 2019.

¹⁴ Подробнее см.: Кирилина, Чуркина 1996: 78.

¹⁵ Stergar 2019.

¹⁶ *Vosnjak, J.* Spomini. Ljubljana: Slovenska Matica, 1982. S. 1415.

переводились на словенский. Знание немецкого языка было обязательным для всех, кто стремился сделать карьеру, и родители, желавшие, чтобы их дети поднялись выше по ступеням социальной лестницы, старались дать им необходимое языковое образование. Как правило, образованные люди знали и латынь, которой по окончании гимназии владели практически свободно. Если говорили они обычно по-немецки, то серьезные речи составляли на латыни. В Крайне, где словенское население преобладало, многие немцы умели говорить по-словенски¹⁷.

В городах, а в Штирии и Каринтии также и в деревнях преобладало обучение на немецком языке, в деревенских школах Крайны, в Горице и части Приморья — на словенском. Большинство начальных школ были смешанными. Так, например, в Крайне в 1840-х годах было 12 немецких начальных школ, 23 словенских, 60 немецко-словенских¹⁸. Воскресные школы по преимуществу были словенскими. В гимназиях преподавание велось на немецком или итальянском языках. Главными предметами обучения были закон Божий, латинский и древнегреческий языки¹⁹. Один из словенских патриотов того времени И. Мацун вспоминал, что за шесть лет обучения в Мариборской гимназии (1830-е годы) он ни разу не слышал ни слова по-словенски²⁰. Многие словенские патриоты происходили из немецкоговорящих семей, общались и вели переписку по-немецки, одновременно учили родной язык. Яркий пример этому — Я. Блейвейс (1808–1881), который начал учить словенский язык, вернувшись в Люблянупосле окончания Венского университета и решив заняться просветительской деятельностью среди словенцев. С 1843 г. он стал издавать газету для крестьян и ремесленников — «*Kmetijske in rokodeljske novice*» («Крестьянские и ремесленные новости», 1843–1902, далее — «*Novice*»), сыгравшую большую роль в развитии языка и культуры. Но и в публикациях этой газеты в первые годы использовалось много немецких слов и конструкций, а словенские слова часто пояснялись в скобках немецкими.

В начальный период словенского национального возрождения идея единства еще отсутствовала — региональное самосознание было распространено повсеместно. Поскольку словенцы не считали себя

¹⁷ Stergar 2019.

¹⁸ Apih 1888: 11.

¹⁹ Кирилина, Чуркина 1996: 78.

²⁰ Apih 1888: 11, 14.

единым народом, то не было и наименования для обозначения такового. Впервые этнонимы «*Slovenec*», «*Sloven*» в значении «словенец» появились в словенско-немецком словаре О. Гутсманна 1789 г.²¹, затем в трудах Линхарта и Копитара. Сначала их использовали в основном лингвисты, и часто — для обозначения не только словенскоговорящего населения, но и славян в целом²². Название «Словения» в первый раз было употреблено в письме Я. Н. Примица (1785–1823) В. Воднику в 1810 г.²³ Распространение оно получило значительно позже — после того, как появилось в печати — в оде Й. Весела Косеского (1798–1884), опубликованной в 1844 г. в газете «*Novice*». В ней впервые слово «Словения» использовалось как персонификация всех этнических словенских земель, название общности, которой раньше не было²⁴.

В эти времена среди широких слоев общественности интереса к словенскому языку и культуре еще не было. Так, газета «*Lublanske novice*» в 1800 г. закрылась из-за отсутствия подписчиков. Однако с ростом грамотности словенского населения увеличилась и потребность в издании прессы на словенском языке. До 1848 г. «*Novice*» Блейвейса была единственной газетой на словенском языке, и подписчиками ее являлись главным образом священники (крестьяне раскупали только одну десятую часть тиража)²⁵. Количество словенских деятелей постепенно росло: если, по подсчетам В. Мелика, в 1770-е годы развитием языка, литературы и культуры занималось около 30 человек, две трети из них были священниками, остальные — представителями дворянства и интеллигенции, то в 1825–1848 гг. насчитывалось уже 62 словенских патриота, среди них 44 священника²⁶.

Из-за обилия местных диалектов в конце XVIII — начале XIX в. единого словенского литературного языка еще не было, как не сформировалось и национальное самосознание словенцев — для них принадлежность той или иной провинции значила больше, нежели языковая близость. Крайнцы называли свой язык «крайнским» (*kranjski*), штирийцы — «штирийским» (*štajerski*), каринтийцы — «каринтийским»

²¹ Плотникова 1978: 335–336.

²² Kosi, Stergar 2016: 474–475; Orožen 1996.

²³ Гранда 2010: 37.

²⁴ Melik 1997: 44.

²⁵ Кирилина 2000: 19.

²⁶ Melik 1997: 44.

(*koroški*). Это обстоятельство, кстати, в свое время очень разочаровало французов, настроенных с уважением относиться к местному языку, но вскоре осознавших, что в Иллирийских провинциях о едином языке нет и речи²⁷.

Далеко не все словенские интеллигенты были готовы отказаться от своих местных диалектов. Так, некоторые словенские патриоты стремились к созданию своих региональных литературных языков. Хорватская кайкавица²⁸ использовалась как литературный язык у прекмурцев вплоть до начала XX в.²⁹ В XVIII в. она являлась литературным стандартом католической церкви в Восточной Штирии, и на ее основе в начале XIX в. был создан восточно-штирийский литературный язык. На нем и писал стихи словенский поэт С. Враз (1810–1851). Словенская исследовательница Й. Чех обоснованно объяснила, что его последующий переход к хорватам во многом был продиктован языковой спецификой. Словенский язык на востоке Штирии, где жил Враз, был ближе к хорватскому языку, нежели к крайнскому, и был не очень понятен крайнцам. Стремление Враз утвердиться в центральнословенском литературном круге «было обречено на неудачу» из-за того, что крайнцы не могли в полной мере понять и оценить его поэзию³⁰. Переехав в Загреб, С. Враз получил там признание как хорватский поэт.

Словенские просветители при составлении грамматик также опирались на разные диалекты. Например, в «Крайнской грамматике» М. Похлин не учитывал особенности нецентральных диалектов и вообще не упомянул о существовании других словенских областей. Ф. Метелко (1786–1861) в 1824 г. при составлении грамматики словенского языка взял за основу восточноштирийский диалект, а П. Дайнко (1787–1873) годом позже — диалект Нижней Краины. В результате, в 20–30-е годы XIX в. функционировало несколько языковых вариантов. Наряду с устаревшей бохоричицей использовались алфавиты, разработанные Метелко (метелчица) и Дайнко (дайнчица). В начале 1840-х годов в словенских землях

²⁷ Melik 1997: 42.

²⁸ Одно из наречий хорватского языка, распространенное на северо-востоке Хорватии, а также в приграничных районах Венгрии и в Румынии.

²⁹ О прекмурском литературном языке подробнее см., напр.: Есеншек 2016: 99–119; Kosi, Stergar 2016: 469.

³⁰ Čeh 2006: 152.

под влиянием хорватских иллиров стала распространяться гаевица³¹, окончательно утвердившаяся в словенском правописании в 1848 г.

Власти проводили классификацию по языкам, часто выбирая один стандарт из нескольких. Этот шаг был чисто прагматическим, чиновники стремились сократить количество языков, чтобы упростить свою работу. Далеко не все были стандартизированы, использование некоторых существовавших до тех пор письменных языков было прекращено. Так, например, администрация провинции Штирии сначала поощряла развитие восточноштирийского литературного языка, но в 1838 г. по предложению Вены запретила использование штирийской словенской орфографии и языка в школах³². Такая политика привела к существенным последствиям: языки, потерявшие или не получившие законный статус, уже не могли стать основой для формирования нации.

Под влиянием политического движения в хорватских землях среди многих национальных деятелей (преимущественно происходивших из Штирии и Каринтии) стала популярной идея Великой Иллирии, общей прародине югославян. Сторонники хорватского варианта иллиризма, в их числе и С. Враз, выступали за полный отказ от самостоятельного национального развития и принятие хорватской культуры и языка. Однако существовала и словенская разновидность иллиризма, идеологом которой являлся М. Маяр-Зильский (1809–1892), считавший, что иллирийский язык должен представлять нечто среднее между хорватским и словенским языками. Позже Маяр воодушевился идеей создания общеславянского языка, не нашедшей поддержки в словенском обществе. Многие патриоты, например, круг поэта Ф. Прешерна (1800–1849), выступили против идей иллиризма, стремясь развить словенский язык до уровня литературного. В 1840-х годах иллирийское движение в словенских землях пошло на спад, возродившись в обличье «неоиллиризма» уже в начале XX в.

Подобная специфика развития словенского языка и тесно связанного с ним национального самосознания в последние годы

---

³¹ Латинский алфавит, созданный Л. Гаем для хорватского языка по образцу чешского.

³² Stergar, Scheer 2018: 576, 578.

стимулировала появление новых интерпретаций феномена словенского народа. Немецкий ученый Иоахим Хёслер³³, австрийская исследовательница Т. Шеер, словенские историки Й. Коси и Р. Стергар пришли к выводу, что идея словенской нации возникла только в начале XIX в. и происходила не из «прежнего существования словенской этнической или языковой общности, а из идей местных интеллигентов, спроецировавших на местную ситуацию актуальные в Европе концепты»³⁴. Т. Шеер и Р. Стергар вполне обоснованно доказали, что сформировалась она также «на основе новой классификации языков», проводившейся австрийским правительством, и именно эта классификация «стала решающим фактором формирования наций»³⁵. Анализ возникновения словенского народа, по мнению Й. Коси и Р. Стергара, подтверждает теоретические положения модернизма и тезис о его «хронологической модерности». Общепринятые представления историков об особой словенской этнической общности авторы назвали «видом методологического национализма», утверждая при этом, что «словенский народ не развился из особой словенской этнической группы, поскольку во время его появления ее вообще не было»³⁶. Последний тезис все же кажется излишне категоричным и недостаточно аргументированным, для его доказательства следовало бы также привлечь результаты исследований лингвистов и этнографов.

Лишь в середине XIX в. язык начал играть роль отличительного этнического признака и использоваться как основа для политического проекта строительства нации³⁷. В программе Объединенной Словении, разработанной словенскими либералами во время революции 1848 г. и ставшей главной национальной программой словенцев вплоть до Первой мировой войны, были выдвинуты требования полного равноправия словенского языка с немецким в словенских землях, введения его в школы и учреждения. Тогда же впервые прозвучало и требование создания словенского университета в Любляне.

---

³³ Критический разбор его монографии провел словенский историк Я. Цвирн. См.: Cvirn 2010.

³⁴ Kosi, Stergar 2016: 464.

³⁵ Stergar, Scheer 2018: 577.

³⁶ Stergar, Scheer 2018: 467–468.

³⁷ Juvan 2000: 138–139.

В октроированной конституции 1849 г.³⁸, так и не увидевшей свет, был провозглашен принцип равноправия всех австрийских народов и их права на развитие собственных языков и культуры. Позже были приняты и некоторые постановления, отвечавшие словенским интересам. «*Reichsgesetzblatt*» («Государственная официальная газета») выпускалась с 1849 г. на десяти языках, включая словенский. Так государство санкционировало лингвистическую классификацию, сформированную в предыдущие десятилетия. Официальное признание названия для языка и народа было большим достижением. Л. Светец, М. Цигале, Я. Циглер предложили при кодификации словенского языка учитывать и особенности его нецентральных диалектов. Новые языковые формы М. Цигале использовал при переводе кодекса законов, а в 1851 г. они были официально утверждены и рекомендованы для школьных изданий³⁹. Названия «крайнский» и «вендский» не исчезли, но с тех пор употреблялись в основном в уничижительном смысле противниками усиления роли словенского языка. Очевидно, что использование единого словенского языка стало в 1850-е годы результатом стремлений как словенцев, так и государственной власти⁴⁰.

После реформы гимназий, проведенной в 1849 г., словенский язык стал обязательным предметом для словенских учащихся. Это означало полный перелом ситуации. Новые поколения словенских интеллигентов отныне уже со школы учились мыслить, говорить и писать по-словенски. Прежнее преобладание немецкого языка в культурной жизни сменилось двуязычием, а потом и приоритетом словенского в ряде областей, прежде всего, в Крайне. Конкордат 1855 г.⁴¹ дал церкви особые права надзора за школой, что сыграло позитивную роль в упрочении позиций словенского языка — большинство словенских учителей были священниками. После революции произошел раздел Штирии на округа с учетом границ проживания народностей, что

---

³⁸ Октроированная или «дарованная» австрийским императором Францем Иосифом I (1848–1916 гг.) конституция фактически не вступила в действие и была отменена в 1851 г.

³⁹ Плотникова 1978: 353.

⁴⁰ Melik 1997: 45.

⁴¹ Соглашение между Святым престолом и Австрийской империей, согласно которому католичество объявлялось государственной религией, признавалась автономия церкви и ее право владения имуществом, ей были переданы цензура книг и наблюдение над всеми католическими школами.

также было на пользу словенцам. В мариборской гимназии с 1850 г., когда словенский язык стал обязательным предметом, его изучали 194 ученика из 217⁴². В 1852 г. в Клагенфурте открылось первое словенское издательское общество — Общество св. Мохора, в 1864 г. в Любляне, по инициативе штирийских словенцев, — Словенская матрица, в числе изданий которой были и учебники для средних учебных заведений на словенском языке⁴³.

В 1867 г., после введения системы дуализма, в Цислейтании была принята конституция, провозгласившая политические права и свободы, в том числе и равноправие национальностей. С 1880 г. жители австрийской части монархии при проведении переписи населения должны были указывать в бланках язык повседневного общения. И если немцев, учитывая интенсифицировавшийся в то время процесс германизации населения, это вполне устраивало, то славяне империи безуспешно требовали изменить эту формулировку и учитывать в переписях «родной язык» или «национальность»⁴⁴. Бюрократическая логика допускала, чтобы люди причислили себя только к одной из заданных национальных категорий. Таким образом, билингвизм на государственном уровне не признавался. С одной стороны, переписи искаженно отображали социальную реальность, но, с другой, формировали ее, знакомя население с национальными категориями идентификации. Любопытен в этом отношении анализ бланков переписи 1880 г. в Любляне, предложенный В. Валенчичем: некоторые респонденты определяли свой язык повседневного использования как «крайнский» или просто «славянский», другие утверждали, что пользуются двумя языками, а кто-то даже различал свой «словенский» язык от «вендского» жены⁴⁵.

Очень важное значение имело использование языковых классификаций в школах. Ученикам, большинство из которых были двуязычными, зачастую приходилось делать трудный для них выбор. Например, по воспоминаниям Ю. Трунка, многие словенские ученики, поступая в гимназию в Филлахе в Каринтии, записывались немцами, чтобы им не пришлось сдавать на экзаменах словенский язык⁴⁶. Сло-

⁴² Чуркина 2015: 268.

⁴³ Bernik 1964: 14, 15.

⁴⁴ Valenčič 1974: 289–290.

⁴⁵ Valenčič 1974: 300–303.

⁴⁶ *Trunk J. M. Spomini. Celje: Tiskarna družbe sv. Mohorja*, 1950. S. 30.

венский национальный деятель Й. Сернец из Штирии, мать которого была немкой, а отец словенцем, писал, что дома с родителями дети говорили по-немецки, а в деревне и с одноклассниками общались на словенском языке. Когда он поступил в гимназию в Мариборе, ему пришлось выбрать язык обучения. Сернец вспоминал:

Хотя я сказал, что плохо знаю словенский, меня записали на занятия словенским языком для словенцев, тогда как для немцев, учивших словенский, проводились другие занятия⁴⁷.

И еще важный момент: хотя мальчик делал в словенском языке много ошибок, учителя ставили ему хорошие оценки, поскольку видели прогресс в его знаниях. По словам Сернеца, они добились того, что он «охотно учил словенский», а также повлияли на его мышление «в национальном плане»⁴⁸. Классификация, проводившаяся в школах, способствовала тому, что учащиеся овладевали нормами стандартного словенского языка, а также, особенно в регионах с двуязычным населением, начинали осознавать свою принадлежность единому словенскому народу.

Важным новшеством стало и использование полковых языков с 1868 г., когда была введена всеобщая воинская обязанность. Если более половины рекрутов полка говорили на одном языке, он становился полковым и офицеры должны были общаться на нем с рекрутами. Языковая классификация статистически распределяла солдат по национальности, а также устанавливала и укрепляла связь между языком и национальностью в их сознании. Использование одного языка (за исключением 80 немецких команд⁴⁹) стало нормой. Формирование лингвистически однородных групп в школах и в армии способствовало развитию местных национализмов⁵⁰. Осознание своей национальной идентичности к началу XX в. практически стало нормой.

В 1870 г. был отменен надзор духовенства над школами. В результате по уровню грамотности словенцы перед Первой мировой войной находились на четвертом месте в империи — после немцев, чехов и итальянцев⁵¹. Однако для словенцев этот закон имел и отри-

⁴⁷ *Sernec J.* Spomini. Ljubljana: Komisijska založba «Tiskovne zadruga», 1927. S. 2–4.

⁴⁸ *Ibidem.*

⁴⁹ Stergar, Scheer 2018: 583.

⁵⁰ Stergar, Scheer 2018: 583.

⁵¹ Gestrin, Melik 1966: 261.

цательные последствия, поскольку роль национального духовенства в системе образования уменьшилась.

В конце XIX — начале XX в. все начальные школы в Крайне (за исключением регионов Кочевье, Бела-Печ и Любляна) были словенскими. В Приморье и Нижней Штирии словенские школы преобладали в деревнях, в городских школах занятия велись на итальянском или немецком языках. Словенцы добились в 1895 г. открытия словенской школы в Горице, в Триесте же их старания так и не увенчались успехом. Еще хуже дела обстояли в Каринтии — там работали всего три словенские школы, существовал еще ряд двуязычных школ, но в них немецкий язык постепенно вытеснял словенский. В четырех немецко-словенских гимназиях в Крайне после 1908 г. некоторые предметы преподавались на словенском языке. А в 1905 г. в Шент-Виде около Любляны была основана первая словенская гимназия — частная епископская. Единственная государственная словенская гимназия открылась в 1913 г. в Горице. Во всех других приморских гимназиях обучение велось на немецком или итальянском языке. Реальные училища в словенских землях были немецкими, за исключением итальянского училища в Триесте и немецко-словенского в Идрии. На словенском языке велось обучение также в ряде профессиональных школ⁵². В провинциальных собраниях словенский язык имел равные права с немецким лишь в Крайне, с итальянским — только в Горице.

Во время правления консерватора Э. Тааффе (1879–1893) Крайна стала считаться словенской провинцией. С 1880-х годовв ней быстрыми темпами проходила словенизация населения. Словенские патриоты часто сетовали на преобладание немецкого языка в повседневном общении жителей Любляны во второй половине XIX в. Ф. Шуклье писал:

В господских семьях языком общения был немецкий: по-словенски или “по-крайински” мы говорили только с ... прислугой!

При этом он не преминул заметить, что немецкий язык большинства горожан был ужасен⁵³. Описывая Люблян у рубежа 1870–1880-х годов, И. Хрибар (1851–1941) подчеркнул «чисто немецкий характер» города: все надписи были на немецком языке, в учреждениях

⁵² Gestrin, Melik 1966: 260–262.

⁵³ Šuklje F. Iz mojih spominov. Ljubljana: Slovenska Matica, 1988. I. del. S. 14.

говорили исключительно по-немецки, на улицах тоже «чаще можно было услышать немецкую, а не словенскую речь, особенно из уст образованных людей». Жительницы Любляны из образованных слоев даже «стыдились говорить на улице по-словенски»⁵⁴. Однако постепенно число тех, кто причислял себя к немцам, сокращалось. Модернизация и словенизация Любляны рубежа XIX–XX вв. позволила городу окончательно утвердиться в качестве словенского центра. Показательно сравнение результатов переписей населения: если в 1880 г. 22,79% (5 тыс. 658 чел. из 24 тыс. 824) жителей города назвало своим языком повседневного использования немецкий, то через 20 лет их число уже сократилось до 15,23% (5 тыс. 433 чел. из 35 тыс. 600)⁵⁵.

Процесс словенизации проходил не просто, он вызвал ожесточенное сопротивление немецкоговорящего населения. Когда в 1896 г. жупаном стал либерал И. Хрибар, он настоял на том, чтобы в магистрате говорили только по-словенски, что поначалу привело к чувству дискомфорта у чиновников, недостаточно владевших языком⁵⁶. Камнем преткновения стал и вопрос о языке уличных надписей. В 1892 г. совет общины Любляны принял решение о словенских надписях в городе, в 1894 и в 1897 г. — о двуязычных. Хрибар, однако, настоял, чтобы размеры букв были в соотношении 6:1, так как в Любляне $\frac{6}{7}$ населения словенцы. Он с гордостью вспоминал, что, «хотя это решение было справедливым, оно, конечно, вызвало бешенство в немецких кругах и сильное недовольство правительства»⁵⁷. В 1899 г. решения 1897 г. были отменены и принято постановление о том, что надписи должны быть чисто словенскими⁵⁸. Поскольку в то время большинство надписей на предприятиях и торговых лавках были немецкими, решать вопрос в пользу замены их словенскими зачастую приходилось с помощью полицейского комиссара⁵⁹.

В Штирии и Каринтии проходили обратные процессы — германизации словенского населения. Либерал И. Лах сетовал, что к 1880-м годам Марибор превратился в немецкий центр со словенской

⁵⁴ *Hribar I. Moji spomini. I. del. Ljubljana:Mercur, 1928. S. 93–94, 230.*

⁵⁵ Stergar 2019.

⁵⁶ *Hribar I. Moji spomini. I. del. S. 275–276.*

⁵⁷ *Ibid. S. 284.*

⁵⁸ Drnovšek 1983: 111, op. 124.

⁵⁹ *Hribar I. Mojispomini. I. del. S. 286.*

округой. В Клагенфурте в 1852 г. словенцы составляли две трети населения, а в начале XX в. уже почти никто не рисковал говорить в городе по-словенски⁶⁰.

До середины XIX в. никто из словенских патриотов, выступавших за изучение, развитие и унификацию словенского (крайнского) литературного языка, не протестовал против превалирования немецкого языка и того положения, которое он занимал в жизни общества. Эти неконфликтные языковые традиции соблюдались повсеместно, во многих отношениях они были характерны для всего XIX ст. Особенно ярко это прослеживается на примере литературного творчества, как словенского, так и немецкого. Так, Ф. Прешерн писал стихотворения не только на словенском языке, но также на немецком (38 произведений) и на латыни. Он публиковал их во всех серьезных периодических изданиях, выходивших в то время в Крайне. Поэт считал, что словенцы должны быть благодарны немецкой культуре, она представляет безусловную ценность, но словенцы «должны держаться своего языка и народности»⁶¹.

Процесс языкового и культурного взаимодействия был двусторонним, и ряд немецких деятелей науки и культуры также проявили интерес к словенскому языку и культуре. В Любляне, к примеру, проживали несколько немецких авторов, выучивших словенский язык. Л. Кордеч, публицист и издатель, считал себя славянином, пишущим по-немецки; Р. Г. Пуфф — учитель гимназии, публицист, директор немецкого театра, выучил словенский язык и считал его составной частью австрийской культуры. Он первым дал описание Штирии и других словенских территорий в путевых заметках, а также издал первый туристический путеводитель по словенской Штирии. Э. Х. Коста, написавший на немецком ряд краеведческих и экономических трудов, выучил словенский язык, стал словенским патриотом и одним из ближайших сподвижников Я. Блейвейса, возглавил Словенскую матицу, физкультурное общество «Сокол».

Двум мирам — и немецкому, и словенскому — принадлежал граф А. фон Ауэрсперг (немецкий поэт Анастасиус Грюн, 1806–1876). Он дружил с Прешерном, в молодости изучал словенский язык, впоследствии же стал одним из лидеров Немецкой партии. Был патриотом

⁶⁰ *Lah I. Knjiga spominov. Ljubljana: Tiskovna zadruga, 1925. S. 11.*

⁶¹ *Grdina 1993: 60–61.*

Крайны и каждое лето собирал словенский фольклор и переводил его на немецкий язык, в чем ему помогали Ф. Прешерн, С. Враз, Е. Копитар. В 1850 г. он издал «Народные песни Крайны», где впервые представил Европе словенский фольклор и поэзию. Он написал некролог Прешерну, в который включил перевод нескольких его стихов на немецкий язык. Ауэрсперг считал, что Прешерн «развил и облагородил» словенский язык и сравнивал его с кузнецом, выковавшим «плуг для возделывания уже давно запущенной нивы языка»⁶². Вместе с тем он был непоколебимо убежден в цивилизаторской миссии германства, без воздействия которой словенская культура не сможет развиваться, и полагал, что словенский язык никогда не станет полноценным литературным языком — на него нельзя перевести ни Гомера, ни Шекспира.

Словенцы в XIX в. делали переводы с немецкого, а также с латыни, французского, русского и других европейских языков. Они стремились доказать, что и на своем языке могут выразить все, что было написано по-немецки, и на том же высоком уровне. Печатались они не только в словенских, но и в немецких изданиях, предназначенных для двуязычным читателям.

Уже в 50–60-е годы XIX в. начался процесс размежевания как среди словенских патриотов, так и между словенцами и немцами. Многие политические лидеры словенцев того времени отвергали ценности немецкой культуры, и эта резкая позиция привела к увеличению числа немшкutarов (сл. *nemškutar*) — словенцев, отказавшихся от своей культуры и перешедших в немецкий лагерь. Среди них были и бывшие словенские патриоты — например, К. Дежман, В. Коншек, Й. Швегель (в молодости — словенский поэт Жвегель, а в конце века — глава Немецкой партии в Крайне)⁶³. Немшкутары верили в цивилизаторскую миссию немцев и считали, что немецкий язык как язык высшей культуры и науки необходим для «общественной реализации» каждого словенца⁶⁴. В начале 1880-х годов, когда на политическую сцену выдвинулось новое поколение словенских патриотов, достижения немецкой культуры вновь стали признавать, однако на рубеже XIX–XX вв. словенско-немецкая конфронтация

⁶² Melik 2002: 132.

⁶³ Grdina 1993: 63.

⁶⁴ Prijatelj 1956: 53.

постепенно нарастала и достигла пика к началу Первой мировой войны. Противопоставление свой — чужой, включавшее разделение по национальному признаку и охватывавшее практически все сферы общественной жизни, стало неотъемлемой составной частью формирования национального самосознания словенцев. Язык стал одним из средств политической борьбы.

Как правительственная политика, так и столкновения местных национализмов влияли на изменение языковой ситуации в империи. Языковые и культурные требования не-немецких народов подчас вызывали конфликты, парализовавшие работу правительства. Так, спор о введении словенско-немецких параллельных классов на первой ступени гимназического обучения в Целле в 1895 г. спровоцировал обострение славяно-немецкого конфликта общеавстрийского масштаба и во многом способствовал падению правительства князя А. Виндишгреца⁶⁵. Однако упорное сопротивление словенских и других югославянских деятелей не дало возможности правительству санкционировать открытие итальянского университета в Триесте в начале XX в. Точно так же и многие требования словенцев, направленные на укрепление позиций своего языка, не были осуществлены из-за противодействия немецких и итальянских политиков.

Люди, стремившиеся утвердиться в обществе, теперь уже должны были однозначно и четко самоидентифицироваться. Словенский патриот мог получить признание в кругу национально ориентированных словенцев, но его патриотизм вредил ему в немецком или итальянском окружении⁶⁶, и наоборот. Можно согласиться с метким высказыванием И. Грдины: если во второй половине XIX в. «словенский интеллигент принадлежал двум культурам», то перед Первой мировой войной ситуация изменилась коренным образом: «бикультурные люди были лишь исключениями»⁶⁷. Впрочем, и «исключений», национально индифферентных людей, было немало.

К началу XX в. словенский литературный язык уже полностью сформировался и имел собственную научную и профессиональную терминологию. Патриоты вели борьбу за его равноправие в школах и учреждениях и за развитие родной культуры и утверждение ее

⁶⁵ Cvirn 2006: 180–181.

⁶⁶ Vodopivec 2007: 17.

⁶⁷ Grdina 1993: 66.

на европейском уровне. Однако до распада Австро-Венгерской монархии реально им удалось добиться только введения словенского языка в начальные школы в качестве языка обучения в большинстве словенских земель (кроме Южной Каринтии).

Изучая процессы эволюции языковой ситуации в словенских землях в конце XVIII — начале XX в., можно проследить прежде всего влияние на них двух мощных факторов: языковой политики австрийского государства, направленной на систематизацию и классификацию ненемецких языков, а также усилий национальных деятелей по развитию словенского языка и культуры и укреплению его позиций в рамках империи. Они были тесно взаимосвязаны: правительственная политика вольно или невольно то стимулировала, то притормаживала процесс развития ненемецких языков и культур и соответствующих национальных движений. В свою очередь, окрепшие к концу XIX в. национализмы оказывали влияние на деятельность правительства, подчас вызывая своими конфликтами его кризисы.

Литература

- Гранда 2010 — *Гранда С.* Краткий очерк истории словенцев // Словенская литература (от истоков до рубежа XIX — XX веков) / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2010. С. 15–52.
- Есеншек 2016 — *Есеншек М.* Иной взгляд на историю словенского литературного языка // *Slavica Literatura* 19. Maribor, 2016. № 2. S. 99–119.
- Кирилина, Чуркина 1996 — *Кирилина Л. А., Чуркина И. В.* Словенская школа в прошлом, настоящем и будущем // Педагогика. 1996. № 1. С. 76–82.
- Кирилина 2000 — *Кирилина Л. А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 160 с.
- Плотникова 1978 — *Плотникова О. С.* Становление словенского литературного языка в период национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков / редкол.: С. Б. Бернштейн (отв. ред.), Л. Н. Смирнов, Г. К. Венедиктов. М. Наука, 1978. С. 329–353.
- Хаванова 2006 — *Хаванова О. В.* Заслуги отцов и таланты сыновей. Венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб.: Алетейя, 2006. 439 с.
- Чуркина 2015 — *Чуркина И. В.* Борьба за словенскую школу (вторая половина XIX — начало XX вв. // Славянский мир в третьем тысячелетии.

- Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 266–275.
- Чуркина 2017 — *Чуркина И. В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 576 с.
- Apih 1888 — *Apih J.* Slovenci in 1848 leto. Ljubljana: Matica slovenska, 1888. 302 s.
- Bernik 1964 — *Bernik F.* Sto let kulturnega poslanstva // Slovenska Matica 1864–1964 / ur. F. Bernik. Ljubljana: Slovenska Matica, 1964. S. 11–26.
- Cvirn 2006 — *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918). Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za zgodovino, 2006. 320 s.
- Cvirn 2010 — *Cvirn J.* Joachim Höslер, Von Krain zu Slowenien. Die Anfänge der nationalen Differenzierungsprozesse in Krain und der Untersteiermark von der Aufklärung bis zur Revolution 1768 bis 1848. // *Zgodovinski časopis* 64. 2010. № 3–4. S. 491–494.
- Čeh 2006 — *Čeh J.* Cankarjev pogled na ilirizem in novoiliristične ideje Frana Ilešiča // *Preseganje meja. Slovenski slavistični kongres (Zagreb, 2006)*. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2006. S. 151–162.
- Domej 1995 — *Domej T.* Slovenci v 19. stoletju v luči svojih lastnih oznak // *Slovinci in država: zbornik prispevkov z znanstvenega posveta na SAZU od 9. do 11. novembra 1994*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1995. S. 83–93.
- Drnovšek 1983 — *Drnovšek M.* Novoletni govori župana Ivana Hribarja ljubljanskemu občinskemu svetu 1896–1909 // *Arhivi. Glasilo Arhivskega društva in arhivov Slovenije. Letnik VI. Št. 1–2*. Ljubljana: Arhivsko društvo Slovenije, 1983. S. 100–110.
- Gestrin, Melik 1966 — *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1966. 364 s.
- Grafenauer 1962 — *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana: Glavna zadrudna zveza, Oddelek za tisk in propagando, 1961. Zv. V. 239 s.
- Grdina 1993 — *Grdina I.* Doživljanje Nemcev in nemške kulture pri slovenskih razumnikih od prosvetljenstva do moderne // *Zgodovinski časopis*. 1993. 47. № 1. S. 57–67.
- Juvan 2000 — *Juvan M.* Literarno besedilo in narodno-kulturna razlika // *Juvan M.* *Vezi besedila: študije o slovenski književnosti in medbesedilnosti. Literarno-umetniško društvo Literatura*, 2000. S. 133–159.
- Kidrič 1929 — *Kidrič F.* Zgodovina slovenskega slovstva od začetkov do marčne revoluciji. Ljubljana: Slovenska matica, 1929. 724 s.
- Kosi, Stergar 2016 — *Kosi J., Stergar R.* Kdaj so nastali «ljubi slovinci»? O identitetah v prednacionalni dobi in njihovi domnevni vlogi pri nastanku slovenskega naroda // *Zgodovinski časopis*. 2016. 70. № 3–4. S. 458–488.

- Melik 1992 — *Melik V.* Nemci in Slovenci // *Zgodovinski časopis*. 1992. 46. № 2. S. 171–174.
- Melik 1997 — *Melik V.* Problemi v razvoju slovenske narodne identitete // Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas / ur. D. Nečak. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1997. S. 41–52.
- Melik 2002 — *Melik V. A. A.* Auersperg in slovenski narod // *Melik V.* Slovenci 1848–1918. Razprave in članki. Maribor: Litera, 2002. S. 127–140.
- Orožen 1996 — *Orožen M.* Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1996. 405 s.
- Prijatelj 1956 — *Prijatelj I.* Slovenska kulturno-politična zgodovina. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1956. Knj. 2. 625 s.
- Stergar 2019 — *Stergar R.* The evolution of linguistic policies and practices of the Austro-Hungarian armed forces in the era of ethnic nationalisms: The case of Ljubljana-Laibach // *Language diversity in the late Habsburg Empire* / ed. by M. Prokopovych, C. Bethke, T. Scheer. Leiden: Brill, 2019. P. 50–71. (Central and Eastern Europe. 9). DOI: 10.1163/9789004407978_005
- Stergar, Scheer 2018 — *Stergar R., Scheer T.* Ethnic boxes: the unintended consequences of Habsburg bureaucratic classification // *Nationalities Papers*. 2018. Vol. 46. № 4. P. 575–591. DOI: 10.1080/00905992.2018.1448374.
- Valenčič 1974 — *Valenčič V.* Etnična struktura ljubljanskega prebivalstva po ljudskem štetju 1880 // *Zgodovinski časopis* 1974. 28. № 3–4. S. 287–319.
- Vodopivec 1997 — *Vodopivec P.* Nekaj opozoril na vzporednice in razlike v narodnem oblikovanju slovencev in bretoncev // Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas. / ur. D. Nečak. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1997. S. 62–73.
- Vodopivec 2007 — *Vodopivec P.* Kulturno-duhovne razmere na Slovenskem v 19. stoletju // *Bogoslovni vestnik*. 2007. 67. № 1. S. 9–17.

References

- Apih, J., 1888. *Slovenci in 1848 leto*. Ljubljana: Matica slovenska, 302 p.
- Bernik, F., 1964. Sto let kulturnega poslanstva. In: Bernik, F., ed. *Slovenska Matica 1864–1964*. Ljubljana: Slovenska Matica, pp. 11–26.
- Churkina, I. V., 2015. Bor'ba za slovenskuiu schkolu (vtoraia polovina 19 — nachalo 20 vv. [The struggle for the Slovenian school (from the second half of the nineteenth to the early twentieth century)]. *Slavyanskii mir v tret'em tysiacheletii. Ratnyi podvig i mirnyi trud v istorii i kul'ture slavianskikh narodov* [The Slavic world in the third millennium. Feat in war and peaceful labor in the history and culture of Slavic peoples]. Moscow, pp. 266–275.
- Churkina, I. V., 2017. *Rossia i slaviane v ideologii slovenskikh natsional'nykh deiatelei 16 v. — 1914 g.* [Russia and the Slavs in the ideology of Slovenian national

- activists from the sixteenth century to 1914]. Moscow: Institut slavianovedenia RAN, 576 p.
- Cvirn, J., 2006. *Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918)*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za zgodovino, 320 p.
- Cvirn, J., 2010. Joachim Höslner, Von Krain zu Slowenien. Die Anfänge der nationalen Differenzierungsprozesse in Krain und der Untersteiermark von der Aufklärung bis zur Revolution 1768 bis 1848. *Zgodovinski časopis*, 64, 3–4, pp. 491–494.
- Čeh, J., 2006. Cankarjev pogled na ilirizem in novoiliristične ideje Frana Plešiča. In: *Preseganje meja. Slovenski slavistični kongres (Zagreb, 2006)*. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, pp. 151–162.
- Domej, T., 1995. Slovinci v 19. stoletju v luči svojih lastnih oznak. In: *Slovinci in država: zbornik prispevkov z znanstvenega posveta na SAZU od 9. do 11. novembra 1994*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, pp. 83–93.
- Drnovšek, M., 1983. Novoletni govori župana Ivana Hribarja ljubljanskemu občinskemu svetu 1896–1909. *Arhivi. Glasilo Arhivskega društva in arhivov Slovenije*, 1–2 (VI). Ljubljana: Arhivsko društvo Slovenije, pp. 100–110.
- Jeslenshek, M., 2016. Inoi vzgled na istoriiu slovenskogo literaturnogo iazyka [A different view on the history of the Slovenian literary language]. *Slavica Literatura*, 19, 2, pp. 99–119.
- Gestrin, F., Melik, V., 1966. *Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 364 p.
- Grafenauer, B., 1962. *Zgodovina slovenskega naroda*, 5. Ljubljana: Glavna zadružna zveza, Oddelek za tisk in propagando, 239 p.
- Granda, S., 2010. Kratkii ocherk istorii sloventsev [A brief survey of the history of Slovenes]. In: Starikova, N.N., ed. *Slovenskaia literatura (ot istokov do ru-bezha 19–20 vekov)* [Slovenian literature (from the origins to the turn of the nineteenth and twentieth centuries)]. Moscow: Indrik, pp. 15–52.
- Grdina, I., 1993. Doživljanje Nemcev in nemške kulture pri slovenskih razumnikih od prosvetljenstva do moderne. *Zgodovinski časopis*, 47, 1, pp. 57–67.
- Juvan, M., 2000. Literarno besedilo in narodno-kulturna razlika. In: Juvan, M. *Vezi besedila: študije o slovenski književnosti in medbesedilnosti*. Literarno-umetniško društvo Literatura, pp. 133–159.
- Khavanova, O., 2006. *Zaslugi ottsov i talanty synovei. Vengerskie dvoriane v uchebnykh zavedeniiah monarkhii Gabsburgov, 1746–1784* [Fathers' merits and sons' talents: Hungarian nobles in the educational institutions of the Habsburg Monarchy, 1746–1784]. Saint Petersburg: Aleteia, 439 p.
- Kidrič, F., 1929. *Zgodovina slovenskega slovstva od začetkov do marčne revoluciji*. Ljubljana: Slovenska matica, 724 p.

- Kirilina, L. A., Churkina, I. V., 1996. Slovenskaia shkola v proshlom, nastoiaishchem i budushchem [Slovenian school in the past, present and future]. *Pedagogika*, 1, pp. 76–82.
- Kirilina, L. A., 2000. *Sloventsy i revoliutsiia 1848–1849 gg.* [Slovenes and the revolution of 1848–1849]. Moscow: Institut slavyanovedeniia RAN, 160 p.
- Kosi, J., Stergar, R., 2016. Kdaj so nastali «ljubi slovinci»? O identitetah v prednacionalni dobi in njihovi domnevni vlogi pri nastanku slovenskega naroda. In: *Zgodovinski časopis*, 3–4, (70), pp. 458–488.
- Melik, V., 1992. Nemci in slovinci. *Zgodovinski časopis*, 46, 2, pp. 171–174.
- Melik, V., 1997. Problemi v razvoju slovenske narodne identitete. In: Nečak, D., ed. *Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, pp. 41–52.
- Melik, V., 2002. A. A. Auersperg in slovenski narod. In: Melik, V. *Slovinci 1848–1918. Razprave in članki*. Maribor: Litera, pp. 127–140.
- Orožen, M., 1996. *Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 405 p.
- Plotnikova, O. S., 1978. Stanovleniie slovenskogo literaturnogo iazyka v period nacional'nogo vrozozhdeniia [Formation of the Slovenian literary language in the period of national revival]. In: *Nacional'noe vrozozhdenie i formirovanie slavyanskikh literaturnikh iazykov* [National revival and the formation of Slavic literary languages]. Moscow: Nauka, pp. 329–353.
- Prijatelj, I., 1956. *Slovenska kulturno-politična zgodovina*, 2. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 625 p.
- Stergar, R., 2019. The evolution of linguistic policies and practices of the Austro-Hungarian armed forces in the era of ethnic nationalisms: The case of Ljubljana–Laibach. In: Prokopovych, M., Bethke, C., Scheer, T., eds. *Language diversity in the late Habsburg Empire*. Leiden: Brill, pp. 50–71 (Central and Eastern Europe, 9). DOI: 10.1163/9789004407978_005.
- Stergar, R., Scheer, T., 2018. Ethnic boxes: the unintended consequences of Habsburg bureaucratic classification. *Nationalities Papers*, 46, 4, pp. 575–591. DOI: 10.1080/00905992.2018.1448374.
- Valenčič, V., 1974. Etnična struktura ljubljanskega prebivalstva po ljudskem štetju 1880. *Zgodovinski časopis*, 28, 3–4, pp. 287–319.
- Vodopivec, P., 1997. Nekaj opozoril na vzporednice in razlike v narodnem oblikovanju slovencev in bretoncev. In: Nečak, D., ed. *Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, pp. 62–73.
- Vodopivec, P., 2007. Kulturno-duhovne razmere na Slovenskem v 19. stoletju. *Bogoslovni vestnik*, 67, 1, pp. 9–17.

Liubov' A. Kirilina

PhD, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

The language situation in the Slovene lands from the late eighteenth to early twentieth centuries in the sociocultural context of the era

From the end of the eighteenth to the early twentieth centuries, Slovenes lived not only on their own, but also in the German, Italian, and Hungarian cultural spaces. The dominant role in state and society was played by the German language, with Slovenian considered the language of the common people. This article examines the peculiarities of the language situation in Carniola, Lower Styria, and Southern Carinthia — regions with predominantly Slovene populations that nevertheless remained under German political and cultural influence — and analyses the evolution of Slovenian against the sociocultural background of the age. The maturation of Slovene literary language began in the second half of the eighteenth century, during the period known as the national revival. At that time, language was both a means of communication and a social marker; only from the middle of the nineteenth century did it acquire its function as a distinctive ethnic feature and the basis for political nation-building projects. By the beginning of the twentieth century, it was fully formed and had its own scientific and professional terminology. The evolution of the language situation in the Slovenian lands was decisively influenced by two factors: the language policy of the Austrian state, aimed at the systematization and classification of non-German languages; and the activities of Slovenian patriots, aimed at developing their language and culture, and strengthening their position within the Empire.

Keywords: Slovenian lands, polyglossia, language classification, state policy, Habsburg monarchy